

ПРАКТИКА МЕНЕДЖМЕНТА

ОЦЕНКА ВЛИЯНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ НА ФИНАНСОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА

Н. В. ГОРБАЧЕВА, Г. А. УНТУРА

*Институт экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН*

Статья посвящена оценке влияния государственной поддержки на эффективность инновационного проекта государственно-частного партнерства (ГЧП) по производству нанокерамики в Новосибирской области. Обзор основных подходов к оценке результативности государственной поддержки показал неоднозначность ее последствий для инновационных предприятий. Оригинальная методика проектного анализа позволяет определить положительный эффект прямой господдержки, выявить степень влияния различных инструментов косвенной господдержки на финансовые результаты предприятия. Модельный эксперимент реализации проекта на территориях действия институтов развития с особыми режимами налогообложения («Сколково», свободные экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего развития (ТОР)) демонстрирует усиление влияния косвенной господдержки в ТОР. Введены новые коэффициенты, характеризующие взаимовыгодность участия партнеров в проекте. Показано, что коэффициент «квазицентрабельность» для государства выше, чем для остальных участников проекта ГЧП. Анализ коэффициента «квазипаритетность» подтвердил, что интересы всех партнеров наилучшим образом сочетаются в сценарии налоговых преференций для ТОР. Результаты могут использоваться как в менеджменте инновационного проекта, так и при разработке инструментов инновационной политики государства.

Ключевые слова: инновационная деятельность, финансовая и косвенная поддержка, налоговые стимулы для территорий, налоговая нагрузка, государственно-частное партнерство, проектный подход, эффективность.

В настоящее время однозначного определения государственно-частного партнерства (ГЧП) в научно-инновационной сфере, по мнению многих экспертов, пока не

существует [Государственно-частное партнерство в инновационной сфере..., 2012]. В соответствии с одной из первых трактовок ГЧП в научно-инновационной сфере —

это институциональный и организационный альянс между государством и бизнесом в целях реализации общественно значимых проектов и программ в широком спектре отраслей хозяйства и областей научных исследований. Отмечается шесть признаков ГЧП в этой сфере (см.: [Государственно-частное партнерство..., 2010]):

- 1) партнеры должны быть представлены как государственным, так и частным сектором экономики;
- 2) взаимоотношения участников — акторов ГЧП должны быть зафиксированы в официальных документах (договорах, программах и др.);
- 3) взаимоотношения акторов ГЧП должны носить партнерский, т. е. равноправный, характер;
- 4) акторы ГЧП должны иметь общие цели и четко определенный государственный интерес (общественную значимость);
- 5) акторы ГЧП должны объединить свои вклады для достижения общих целей;
- 6) акторы ГЧП должны распределять между собой расходы и риски, а также участвовать в использовании полученных результатов.

Большая часть названных признаков в современных условиях реализации инновационных проектов с участием государства соблюдается. Однако проблематика партнерства и равноправности участия государства и бизнеса недостаточно изучена, в том числе с позиции количественных оценок.

Систематизация видов ГЧП и институтов поддержки инновационной деятельности отражена в ряде исследований последних лет, методологически она используется и в данной статье (см., напр.: [Государственно-частное партнерство..., 2010; Государственно-частное партнерство как инструмент..., 2012; Пахомова, Ткаченко, 2014] и др.).

Участие государства в развитии современных инновационных секторов экономики в РФ может эффективно проявляться в формате государственно-частного парт-

нерства, особенно в условиях ограниченности внутренних ресурсов и сильной международной конкуренции (см., напр.: [Примаков, 2015, с. 45–51; Варнавский, 2011; Климова, 2011]).

Система государственной поддержки включает в себя комплекс организационно-экономических и правовых мер, направленных на стимулирование инновационной активности производителей высокотехнологичной продукции и услуг (включая налоговую, амортизационную, антимонопольную, таможенную и внешнеэкономическую политику, а также стандартизацию и пресечение недобросовестной конкуренции); интеграцию науки и промышленности; финансовое обеспечение инновационных процессов (включая государственную политику по финансированию исследований и разработок за счет средств федерального бюджета, долевого финансирования, привлечения внебюджетных источников финансирования, в том числе фондов международных организаций, венчурных фондов, частного капитала, средств населения и т. д.).

Отметим некоторые существенные внешние (по отношению к предприятиям) ограничения, препятствующие масштабной государственной поддержке инноваций в РФ в 2014–2015 гг.: бюджетную и налоговую ситуацию в России, а также нестыковку законодательных актов об инновационной деятельности участников ГЧП. В целом можно выделить ряд ограничений (на основе данных официальной статистики и экспертных оценок), которые целесообразно принимать во внимание при рассмотрении эффектов государственной поддержки (ГП) в проектно-анализе инвестиционных проектов.

Снижение доли инвестиций из бюджета. Выделение финансовых субсидий на НИОКР и инвестиции в инновационные проекты из бюджетов разного уровня ограничено. Например, в совокупной, т. е. из всех источников, величине инвестиций в РФ доля бюджетов всех уровней в 2000 г.

составляла 22,0%, а в 2012 г. она снизилась до 17,8% [Инвестиции в России, 2013]. Наблюдается рост объема долговых обязательств бюджетов в 70 регионах [Заключение Счетной палаты..., 2015, с. 141–157].

Рост налоговой нагрузки на бизнес. Размер налоговой поддержки зависит от того, насколько государство может уменьшить ставки базовых налогов, формирующих основную часть доходной части бюджетов соответствующего уровня, не нарушая сбалансированности бюджетов с учетом обязательств по расходной части. Для предприятия налоговая нагрузка ограничивает эффективность его деятельности. Публично декларируется о моратории на повышение налогов, но на деле они продолжают расти [Нечаев, 2015].

Законодательная база инновационных проектов ГЧП. Принятый Федеральный закон Российской Федерации от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», на наш взгляд, недостаточно четко регулирует нормы отношений партнеров ГЧП в научно-инновационной сфере¹, что сдерживает развитие долговременных взаимовыгодных отношений.

Несмотря на то что за истекшее десятилетие возникло много новых объектов ГЧП, особенно в сфере поддержки инновационной инфраструктуры (технопарков и др.), создание благоприятных правовых и институциональных условий для реали-

¹ Согласно закону ГЧП и МЧП (муниципально-частное партнерство) — это юридически оформленное на определенный срок и основанное на объединении ресурсов, распределении рисков сотрудничество публичного партнера, с одной стороны, и частного, с другой стороны, которое осуществляется на основании специального соглашения. Цель — привлечение в экономику частных инвестиций, обеспечение доступности товаров, работ, услуг и повышение их качества.

зации инновационных проектов ГЧП по-прежнему ограничивается законодательной неопределенностью по формированию разных форм партнерства именно в инновационной сфере, а также недостаточностью инвестиционных ресурсов. В этой связи в России результативность государственной поддержки инноваций на предприятиях пока недостаточно высока [Научная и инновационная политика, 2013; OECD, 2013a]. Таким образом, *актуальность исследований эффективности применения мер господдержки для мотивации участников инновационных проектов ГЧП только возрастает.*

В российских работах уже рассматривались некоторые методы оценивания успешности отдельных механизмов ГП (см., напр.: [Симачев, Кузык, Фейгина, 2014]). Многие исследователи экспертно сопоставляют отдельные меры ГП и результаты деятельности предприятий, осуществляющих инновации, сравнивая их на фоне успешного зарубежного опыта поддержки инноваций в других странах ОЭСР [OECD, 2013b; OECD, 2003; Гохберг, Китова, Рудь, 2014]. Появились отдельные зарубежные исследования, посвященные эмпирическому анализу и проверке экспериментальных форм ГП, в частности по снижению налоговой нагрузки на предприятия, реализующие проекты нововведений [Samaniego, 2007; Hall, Mairesse, Mohnen, 2009; OECD, 2014]. Вместе с тем, на наш взгляд, пока недостаточно эмпирических работ, анализирующих, насколько отдельные законодательные меры адресной поддержки в рамках институтов развития, созданных в отдельных регионах России, могут позитивно влиять на финансовые результаты инновационных проектов предприятий, осуществляемых в виде ГЧП. Этот пробел в исследованиях авторы пытаются восполнить данной работой.

Последствия ГП для инновационных проектов, по нашему мнению, проявляются в двух направлениях. Во-первых,

господдержка НИОКР сказывается на активизации инновационной деятельности широкого круга предприятий. Эффекты такой поддержки можно выявить, используя информацию достаточно представительных обследований предприятий. Это помогает выявить продуктивность инновационной политики в стране в целом, наличие мотиваций предприятий к развитию инновационной деятельности в заметных масштабах и с высокой эффективностью.

Во-вторых, сочетание различных форм ГП влияет на финансовый эффект реализации конкретных инновационных проектов ГЧП. Такие результаты ГП может продемонстрировать эмпирический анализ деятельности конкретного предприятия при различных вариантах прямых финансовых субсидий и косвенной адресной поддержки, например налоговых преференций. При этом целесообразно выгоды или потери (упущенные выгоды) предприятия и отдельных участников ГЧП, в частности, от действия фактической системы налогообложения оценивать по сравнению с пилотными (экспериментальными) формами ГП. Проведение подобного анализа, на наш взгляд, может способствовать повышению обоснованности рекомендаций по изменению отдельных мер ГП для конкретных видов предприятий, осуществляющих инновационные проекты, в том числе в виде ГЧП. Подобные рекомендации могут быть положены в основу создания системы мониторинга продуктивности инновационной политики в отношении предприятий и проектов ГЧП.

Таким образом, целью данной статьи является оценка воздействия государственной поддержки на финансовые результаты предприятия, реализующего крупный инновационный проект на принципах ГЧП. Соответственно, задачи исследования:

- апробация авторской методике проектного анализа инновационного проекта, реализуемого несколькими участниками

в форме ГЧП, позволяющей оценить вклад в финансовый результат (проекта и его участников) отдельных мер прямой и косвенной государственной поддержки (на примере «НЭВЗ-Керамикс», расположенного в г. Новосибирске);

- проведение расчетов оценок влияния ГП на чистый дисконтированный доход (*NPV*) проекта в рамках модельного эксперимента, предусматривающего четыре сценария: первый отражает фактические меры ГП высокотехнологического российского предприятия, а три других представляют собой варианты налоговых преференций федерального значения в случае гипотетического размещения предприятия на территориях, на которых действуют федеральные налоговые преференции (территория опережающего развития (ТОР), особая экономическая зона (ОЭЗ), инновационный центр «Сколково»);²
- расчет коэффициентов, характеризующих эффективность реализации проекта в целом для предприятия и отдельных участников (государства, предприятия, венчурного инвестора, банка), а также определение взаимовыгодности участия в проекте государства и частного бизнеса на основе сопоставления затрат и результатов.

Оценка влияния мер ГП на финансовые результаты проекта и предприятия базируется на типовой методике проектного анализа, адаптированной нами в виде финансово-институциональной модели для анали-

² Под территориями налоговых преференций федерального значения в данной постановке понимаем территории, в отношении которых были приняты специальные федеральные законы: № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации», Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ (ред. от 23 июля 2013 г., с изм. от 23 июня 2014 г.) «Об особых экономических зонах в Российской Федерации», № 244-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) «Об инновационном центре „Сколково“».

за инновационных проектов с множеством участников, действующих при разных сценариях косвенной поддержки. Модель позволяет оценивать фактически существующие схемы налогообложения, а также проводить модельные эксперименты, учитывающие гипотетические сценарии различных институциональных условий.

В статье рассматривается формат ГЧП, в котором государство поддерживает предприятие, реализующее инновационный проект, субсидией, а также стимулирующими мерами, предусмотренными в налоговом законодательстве для инновационных предприятий и трех упомянутых типов территорий, на которых действуют федеральные налоговые преференции со стороны институтов развития. Авторами сделан обзор публикаций, посвященных как мерам ГП (раздел 1), так и эмпирическим исследованиям по оценке продуктивности мер ГП в разных ракурсах (раздел 2). Коротко изложены выводы некоторых работ, выполненных с использованием разных количественных методов, *эконометрического и математического моделирования*, в которых учитывались виды ГП инновационных предприятий РФ (раздел 2). Одни исследователи оценивали влияние разных видов господдержки на основе выборки инновационных предприятий РФ (подраздел 2.1), другие получали оценки влияния налоговых стимулов на базе модельных экспериментов, рассчитав налоговую нагрузку предприятия при разных экспериментальных схемах налогообложения для отдельного предприятия (подраздел 2.2).

Однако в проанализированных нами публикациях не рассматривались финансовые результаты инновационных проектов ГЧП, в том числе и расположенных на территориях действия институтов развития. В данной статье особое внимание уделено исследованию комплементарности мер прямой и косвенной поддержки инноваций, влияющих на финансовый результат проекта и отдельных его участников,

методом проектного анализа (подраздел 3.1). Кроме того, описываются суть и выводы эксперимента по гипотетическому размещению предприятия/проекта ГЧП на территориях действия налоговых преференций различных институтов развития (подраздел 3.2) и влиянию такого размещения на *NPV* реализации проекта. Предложены коэффициенты, отражающие взаимовыгодность участия в проекте ГЧП отдельных инновационных акторов, и способы расчета этих коэффициентов. Они носят дискуссионный характер, поскольку впервые апробируются в рамках эмпирических исследований инновационной деятельности в РФ (подраздел 3.3). Основные выводы статьи обобщают результаты анализа ряда вторичных источников, а также результаты проведенного исследования.

1. Краткий обзор мер государственной поддержки инновационной деятельности в России

Общие правила ГП регулируются Гражданским, Налоговым и Бюджетным кодексами, а также законами, касающимися предпринимательской, финансовой, научной и инвестиционной деятельности. Принятые нормы и правила ГП определяют порядок формирования затрат на научно-техническую и инновационную деятельность и практику использования ее результатов в конкретный период времени, что учитывается в бизнес-проектировании.

Развитие ГЧП в научно-инновационной сфере. В каждой стране объем инвестиционных ресурсов и система институтов влияют на стимулирование инновационной деятельности и порядок взаимодействия участников в рамках научно-производственного цикла нововведений (см.: [Государственно-частное партнерство как инструмент..., 2012; Государственно-частное партнерство..., 2010; Симачев, Кузык, Фейгина, 2014; Судариков, Грибовский, 2012; Ленчук,

Власкин, 2008; Климова, 2011; Пахомова, Ткаченко, 2014] и др.). Государственная поддержка проектов ГЧП в научно-технической и инновационной сферах, как следует из международного и российского опыта, осуществляется в следующих основных формах:

- 1) предоставление прямой финансовой (субвенции из бюджетов) или косвенной поддержки (льготные налоги, гарантийные обязательства, возмещение части затрат на возмещение кредитов, полученных у коммерческих предприятий и государственной корпорации «Внешэкономбанк») и др.);
- 2) вклад в ресурсную обеспеченность проекта ГЧП путем предоставления оборудования, персонала, нематериальных активов, проведения экспертиз. Все потоки оцениваются в денежной форме, что является эквивалентом вклада в доленое финансирование проекта ГЧП;
- 3) принятие нормативно-правовых документов, направленных на активизацию научно-исследовательской и инновационной деятельности (приоритетные направления, «списки» для поддержки, адресная поддержка инновационных проектов в регионах и т. д.);
- 4) создание институтов развития, поддерживающих ГЧП в инновационной сфере, в том числе институтов, по которым принимаются специальные федеральные законы или постановления, позволяющие предоставлять федеральные преференции предприятиям в случае размещения их на «законодательно выделенных» территориях.

ГЧП формируется под воздействием четырех основных факторов (они обеспечивают его функционирование за рубежом). Во-первых, это исполнение работ частными компаниями (*private execution*); во-вторых, финансирование общественных инвестиций (*financing of public investment*); в-третьих, оказание услуг и инвестирование со стороны частного сектора экономи-

ки; в-четвертых, перераспределение значительных рисков от государства частному сектору экономики [*Public-private partnership...*, 2006]. Мировой опыт демонстрирует схожесть тенденций развития ГЧП. Кратко в эволюционном ракурсе покажем появление все новых форм государственной поддержки и типов ГЧП в России.

В России ГЧП с различной интенсивностью и национальными особенностями развивается [Варнаровский, 2011] в основном применительно к инфраструктурным проектам, хотя в последние годы ГЧП стало затрагивать и ряд социальных сфер, таких как медицина и образование. В рамках Российской программы Центра ОЭСР по сотрудничеству со странами — не членами ОЭСР в 2003 г. выполнялся совместный проект по анализу состояния и перспективам ГЧП в инновационной сфере России. Комиссия международных экспертов анализировала три основных типа ГЧП, существовавших в России в то время: мегапроекты (10 направлений), межведомственную программу «Биотехнология для медицины и сельского хозяйства», центры трансфера технологий (ЦТТ, 6 организаций) — т. е. как инновационные проекты, так и объекты инновационной инфраструктуры [Золотых, Курапов, Симонов, 2003].³ Признавалось, что партнерство государства и бизнеса является ключевым компонентом новой инновационной политики России, создающим благоприятные предпосылки для устойчивого инновационного развития в качестве стратегического фактора экономического роста.

После 1990-х гг. дальнейшее становление ГЧП в России сопровождалось созда-

³ Результаты деятельности совместной Комиссии международных экспертов обсуждались на первой международной конференции «ГЧП в инновационной сфере России» (16–17 декабря 2003 г., Москва), организаторами которой выступили Министерство науки и образования и ОЭСР (см.: www.opec.ru/1066681.html, дата обращения: 10.08.2015).

нием новых институтов развития — особых экономических зон (ОЭЗ). Данная инициатива была воплощена в России со второй попытки, после неудачного опыта функционирования свободных экономических зон в период с 1992 по 2005 г. *Налоговые преференции* стали одним из ключевых факторов привлечения их резидентов. Как отмечается в [Павлов, 2010, с. 10], одним из ключевых стимулов для привлечения инвестиций в ОЭЗ является льготная административно-финансовая политика, которая не должна «поставить под сомнение общую экономическую и финансовую целесообразность учреждения ОЭЗ». Поэтому, несмотря на многообразие льгот (упрощенные правила технического регулирования, льготное подключение к объектам инфраструктуры), налоговые преференции выступают в качестве одного из основных инструментов ГЧП. При этом, согласно [Анимица, 2012], налоговое регулирование деятельности ОЭЗ в России обладает рядом особенностей, что «искусственно повышает конкурентоспособность действующих в ОЭЗ предприятий по сравнению с предприятиями, расположенными на остальной территории региона и России в целом» [Анимица, 2012, с. 32].

Учитывая некоторые негативные результаты функционирования ОЭЗ в России, в 2010 г. для форсирования *инновационного развития* была создана специальная инфраструктурная территория — центр «Сколково» — для реализации прорывных инновационных проектов. В 2014 г. было инициировано создание территорий опережающего развития, прежде всего для развития Сибири и Дальнего Востока [Сибирь станет..., 2014].

Каждая из инициатив государства по созданию территорий с налоговыми преференциями федерального значения (ОЭЗ, «Сколково», ТОР) преследовала свои цели в сфере ГП. Несмотря на разное позиционирование экономической деятельности

обозначенных в законах территорий, для каждой из них предоставляется широкий спектр конкретных видов косвенной господдержки. Сравнение финансовых результатов деятельности предприятий, расположенных за пределами «особых» территорий, и предприятий, размещенных в ТОР, «Сколково» и ОЭЗ, позволит выяснить, не нарушают ли их налоговые преференции нормальную конкурентную среду по сравнению с другими территориями.

Инструменты государственной поддержки инноваций. Многообразие инструментов финансовой и косвенной поддержки проектов ГЧП широко представлено в ряде монографий и статей по этой проблематике (см., напр.: [Ленчук, Власкин, 2008; Налоговое стимулирование..., 2009; Государственно-частное партнерство..., 2010; Государственно-частное партнерство как инструмент..., 2012; Судариков, Грибовский, 2012; Научная и инновационная политика, 2013; Симачев, Кузык, Фейгина, 2014] и др.). Отметим наиболее часто упоминаемые в различных классификациях виды финансовой и косвенной поддержки инновационной деятельности предприятий (налоговая поддержка выступает особой разновидностью такой поддержки):

- прямая финансовая поддержка (преимущественно субвенции из бюджетов);
- косвенная поддержка (налоги, гарантийные обязательства, возмещение части затрат на уплату процентов, снижение ставок социального страхования и др.);
- принятие нормативно-правовых документов, регулирующих и стимулирующих активизацию научно-исследовательской и инновационной деятельности (в том числе адресные, т. е. приоритетные, направления, «списки» для поддержки и др.).

Уточним, что косвенная поддержка, напрямую снижающая налоговую нагрузку, может также иметь ряд подвидов.

Таблица 1

Косвенная господдержка для ТОР, ОЭЗ и инновационного центра «Сколково»

Направление косвенной поддержки	ТОР*	ОЭЗ**	«Сколково»***
НДС	Заявительный порядок (ускоренный) возмещения налога	Льгота отсутствует	Право на освобождение от НДС в течение 10 лет
Амортизация	Льгота отсутствует	Повышенный коэффициент не более 2	Льгота отсутствует
Налог на прибыль	В федеральный бюджет ставка налога 0%. В бюджеты субъектов РФ ставка не может превышать 5% в течение 5 налоговых периодов и не может быть менее 10% в течение следующих 5 налоговых периодов	Ставка от 13,5 до 15,5%	Освобождение в течение 10 лет, если годовой объем выручки не превышает 1 млрд руб. или совокупный размер прибыли превысил 300 млн руб.
Налог на имущество	Льгота отсутствует	Освобождение от уплаты налога в течение 10 лет	Освобождение от налогообложения
Земельный налог	Льгота отсутствует	Освобождение от уплаты налога в течение 5 лет	Льгота отсутствует
Страховые взносы	Общая сумма страховых взносов составит 7,6%	Общая сумма страховых взносов составит 14% — до 2017 г., 21% — в 2018 г., 28% — в 2019 г.	Общая сумма страховых взносов составит 14%

Примечания:

* — см.: Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»;

** — см.: Минэкономразвития РФ. Таблица налоговых льгот по типам ОЭЗ. <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/sez/preferences/taxconcession>;

*** — см.: Федеральный закон от 28 сентября 2010 г. № 244-ФЗ (ред. от 28 декабря 2013 г.) «Об инновационном центре „Сколково“».

Традиционная налоговая поддержка (нейтральная поддержка для любой категории плательщика в определенный период времени) представляет собой:

- изменение «базы» ставки и сроков уплаты налогов, а также пени, подлежащей к уплате (например, ставки налога на имущество);
- инвестиционный налоговый кредит и др.;

Стимулирующая поддержка инноваций может выражаться:

- в списании расходов на НИОКР;
- налоговом исследовательском кредите;
- ускоренной амортизации основных средств и нематериальных активов, связанных с исследованиями и разработками;

- льготах по налогам на заработную плату сотрудников, задействованных в исследованиях и разработках и др.

Далее в статье рассматриваются лишь некоторые виды ГП, упомянутые в классификации в [Унтура, Новикова, Горбачева, 2014]. Ниже показано, какими именно видами адресной поддержки применительно к особым территориям инновационного развития дополняется наша классификация (табл. 1); они будут учтены в дальнейших расчетах (подразделы 3.2, 3.3).

Результаты адресного предоставления косвенной господдержки могут быть рассмотрены со стороны как государства, так и инновационных предприятий. Это дает возможность понять, насколько проводи-

мая государством политика сочетается с мотивациями самих предприятий и с их внутренней готовностью к осуществлению инноваций.

2. Результативность государственной поддержки инновационных компаний в России: опыт ряда эмпирических исследований

Обзор публикаций по теме результативности государственной поддержки выявил наличие четырех основных направлений оценивания. Первое направление представлено эмпирическими исследованиями на основе доступных выборок предприятий, выполненных эконометрическими методами. Второе базируется на модельных экспериментах, учитывающих влияние различных вариантов ГП на финансовые результаты отдельного предприятия. Третье — это экспертный анализ на основе анкетирования, углубленных интервью с участниками ГЧП. Четвертое направление оценивания, которое авторы развивают в данной статье (раздел 3), выполняется на основе проектного анализа.

2.1. Оценка последствий прямой и косвенной ГП инновационной деятельности российских предприятий на основе выборочных обследований

Результаты прямой и косвенной ГП инновационной деятельности компаний были продемонстрированы в ряде исследований [АМР, РВК, ВШЭ, 2011; Иванов, Кузык, Симачев, 2012]. В [Симачев, Кузык, Фейгина, 2014] оценка была получена экспертными и эконометрическими методами, с использованием микроданных доступной выборки (более 600 предприятий разных отраслей). Содержательная трактовка результативности отдельных видов поддержки была показана как с позиции государства, оказывающего поддержку, так и с позиции инновационных предприятий, которые получали ГП. Она проявилась в

изменении стоимостных показателей деятельности таких предприятий, показателей их производительности и эффективности производства, изменении инновационного поведения и т. д. Отметим, что на финансовую и налоговую поддержку выделяются немалые государственные средства (это происходит при вынужденном патернализме, поскольку зачастую возникают ситуации, когда без государственного участия многие инновационные проекты в РФ вообще не могут быть реализованы). Однако для обоих видов поддержки пока наблюдается эффект замещения частных средств государственными без существенного изменения результативности инновационной политики, что нельзя считать продуктивным результатом инновационной политики в стране.

Остановимся на основных гипотезах и выводах исследования [Симачев, Кузык, Фейгина, 2014], соглашаясь с его авторами в том, что ожидание резкого перелома в ходе инновационных процессов в компаниях России при действующем налоговом законодательстве является иллюзией. В работе были выдвинуты две гипотезы о государственном стимулировании инновационной деятельности. Первая гипотеза предполагала, что ГП инноваций (безотносительно к ее виду) в большей степени способствует росту стоимостных «объемных» показателей деятельности компаний (величина выручки, объем новой продукции, объем экспорта), чем показателей эффективности (производительности и рентабельности).⁴ Вторая гипотеза уже в явном виде предполагала наличие разницы последствий финансовой

⁴ Субсидирование исследований и разработок мотивировало фирмы дополнительно вкладывать собственные средства для продвижения инноваций на рынок [Garcia, 2011]; наблюдался рост продаж, прибыли [Falk et al., 2009], росло производство новых товаров и услуг, увеличивалась доля новой продукции в выпуске, росло число патентов [Cerulli, Poti, 2010].

и налоговой ГП: налоговые стимулы и финансовая поддержка по-разному воздействуют на инновационную деятельность компаний, т. е. могут проявиться следующие последствия:

- для налоговых инструментов характерна проблема вытеснения частных средств государственными;
- финансовые инструменты в большей степени снижают риски и способствуют старту новых инновационных проектов, нежели налоговые льготы.

Результаты эконометрического анализа в [Симачев, Кузык, Фейгина, 2014] подтвердили *неоднозначность позитивной оценки* результативности ГП инноваций⁵, хотя гипотеза о стимулирующем влиянии мер ГП отчасти подтверждается, т. е., во всяком случае, господдержка не ухудшала «объемные» показатели. Значимая положительная связь между получением господдержки была выявлена только для одного показателя — объема экспорта [Симачев, Кузык, Фейгина, 2014, с. 19]. Явного же подтверждения заметного влияния ГП на рост показателей производительности труда и эффективности производства в анализируемой выборке найдено не было, из чего авторы сделали вывод, что повышение рентабельности и производительности труда в предшествующий период не являлось первоочередной задачей инновационной деятельности компаний. Стремление к повышению роста показателей эффективности возникает лишь на конкурентном рынке и для лидеров, и для отстающих (и, возможно, активизируется в условиях санкций).

⁵ Получены схожие оценки ГП для компаний малого инновационного бизнеса в технопарках. Они подтвердили, что примерно половина резидентов технопарка показала заметный экономический рост, не получая явной финансовой или адресной налоговой ГП. Вложения федеральных и региональных властей в строительство инфраструктуры имело нейтральный позитивный эффект и проявилось в более активном приходе резидентов в технопарк [Унтура, 2013; 2014].

Что касается второй гипотезы, выдвинутой в [Симачев, Кузык, Фейгина, 2014], подтвердились предположения, что финансовые и налоговые механизмы действительно по-разному влияют на поведение компаний. Например, государственная финансовая поддержка оказалась более результативна с позиций инициирования и снижения общих рисков инновационной деятельности, в то время как применение налоговых инструментов оказалось, по мнению компаний, более действенным для реализации проектов с длительным сроком окупаемости. Вместе с тем выбор «идеального» механизма едва ли возможен.⁶ На наш взгляд, в финансовом менеджменте компаний необходимо проводить предварительную проверку последствий сочетания финансовых и налоговых мер стимулирования ГП, в том числе в проектах ГЧП, когда учитываются денежные потоки отдельных его участников во времени.

2.2. Снижение налоговой нагрузки: модельные эксперименты при фактическом и экспериментальном налогообложении

Снижение налоговой нагрузки — один из стимулов к повышению результатов финансовой деятельности предприятий и развитию инноваций, который обеспечивается мерами налоговой политики государства. Существует, например, термин «уровень налоговой нагрузки» (УНН), он определяется отношением общих налоговых отчислений (без налога на доходы физических лиц) к валовой добавленной стоимости. Усредненный в целом по РФ названный показатель составил 0,412 [Сайфиева, 2010]. Он раз-

⁶ Проводились расчеты, подтвердившие, что одновременное применение разных инструментов на предприятии без учета возможности их применения на определенном временном отрезке реализации проекта приводило, в частности, к ухудшению финансовых результатов при использовании льготы по ускоренной амортизации расходов на НИОКР [Унтура, Новикова, Горбачева, 2014].

личается по отраслям и меняется по годам. Наблюдается определенный парадокс, когда в обрабатывающей промышленности, в которой государство стремится создать предпосылки к большей инновационной активности, УНН, напротив, оказывается значительно выше, чем по остальным видам экономической деятельности, и, как следствие, возникает недостаток собственных средств для принципиального технологического перевооружения.

В [Титов, Жигульский, 2013] анализ налоговой нагрузки на ведение инновационной деятельности на предприятии был выполнен в нескольких аспектах. Во-первых, в модельном эксперименте оценивалось влияние понижения на 1% ставок основных налогов (налог на прибыль НДС, страховые отчисления, налог на имущество и др.) на величину NPV . Общий вывод эксперимента показал, что снижение ставок налогообложения приводит к росту эффективности работы предприятия (прибыли, рентабельности, NPV), но фискальное назначение налоговой системы для государства уменьшается.⁷

Во-вторых, в указанной работе выполнен модельный эксперимент, показывающий последствия влияния на финансовый результат замены налога на добавленную стоимость другими видами налогов. Предполагалось проверить варианты налогообложения, которые обеспечат наибольший прирост NPV предприятия и уменьшат его налоговую нагрузку, а их сравнение покажет предпочтительную систему налогообложения для стимулирования нововведений. Интересны результаты сравнения следующих вариантов налоговых систем: (1) существующей системы налогообложения; (2) замены НДС налогом с продаж (НП); (3) замены НДС новым налогом — «налогом на материальные затраты и услуги» (НМЗ)

⁷ Оценка влияния снижения по ставкам налогов получена в рамках задачи оптимального функционирования предприятия, в которой критерием оптимизации являлся чистый дисконтированный доход.

[Титов, Жигульский, 2013]. Авторами было показано, что реализация инновационного проекта в варианте с НДС приводит к увеличению налоговой нагрузки, хотя одновременно происходит повышение эффективности производства. При использовании варианта с налогом с продаж рост NPV более значительный и налоговая нагрузка возрастает не столь существенно — можно утверждать, что такая система налогообложения не хуже действующей. Наконец, оценка в [Титов, Жигульский, 2013] варианта с введением НМЗ показала, что для предприятия он наиболее приемлем: отношение налоговой нагрузки к выручке уменьшается с 11% (с НДС) до 9,6% (с НП) и до 9,5% (с НМЗ) [Титов, Жигульский, 2013, с. 272], что позволяет реализовывать долговременные инновационные проекты для машиностроительных предприятий.

На наш взгляд, расчеты [Титов, Жигульский, 2013] подтверждают выводы более общего эконометрического подхода, предложенного в [Симачев, Кузык, Фейгина, 2014]: налоговые стимулы в первую очередь полезны для реализации проектов с длинным сроком окупаемости. Для стимулирования таких проектов более важную роль может играть, например, использование налога на материальные затраты вместо НДС. Вместе с тем отметим, что такого рода предложения целесообразно проверять на большом массиве данных для разных отраслей с различной структурой материальных затрат.

3. Финансовые результаты предприятия, реализующего инновационный проект ГЧП при разных вариантах господдержки (на примере «НЭВЗ-Керамикс»)

Финансовый результат предприятия⁸ зависит от сбалансированности денежных

⁸ В контексте статьи понятия «проект» и «предприятие» тождественны для случая, если

потоков инвестиционной и операционной деятельности предприятия во времени и его выхода на безубыточность в течение ожидаемого срока окупаемости. При этом, применяя методику проектного анализа [Шахрай и др., 2010], хозяйственную деятельность предприятия можно рассматривать как реализацию масштабного проекта. В данном случае расчет коммерческой, бюджетной эффективности, сроков окупаемости, нормы безубыточности приобретает характер стандартной процедуры в финансовом менеджменте для принятия решений о целесообразности начала реализации инновационных проектов. Однако реальные оценки инвестиционной привлекательности проекта могут значительно изменяться в условиях его государственной поддержки, в том числе сочетаясь с влиянием налоговых преференций институтов развития, действующих в отдельных регионах РФ. Воздействие государственной поддержки на финансовые результаты предприятия (проекта) можно оценить с помощью показателя чистого дисконтированного дохода и проследить изменение его величины в зависимости от предоставления отдельных видов господдержки.

В работе проверяется предположение о том, что прямая финансовая и адресная налоговая поддержка, во-первых, улучшает финансовый результат реализации проекта ГЧП и повышает эффективность инновационного проекта в целом; во-вторых, увеличивает заинтересованность отдельных участников в совместной реализации инноваций, т. е. в «выигрыше» окажутся проекты с особой институциональной территориальной поддержкой. Правомерность такого предположения анализируется в ходе модельного эксперимента для инновационного проекта ГЧП, реализуемого на территории субъекта РФ (Новосибирской области), который формально не относится

на предприятии реализуется один крупный инновационный проект.

к категории территорий, имеющих федеральные адресные налоговые привилегии. Если расчеты подтвердят наличие заметной «упущенной выгоды» для предприятия-участника (как главного исполнителя проекта) по сравнению с ситуацией размещения проекта в ОЭЗ, либо на территории «Сколково», либо в ТОР (Дальний Восток), то, по нашему мнению, это будет означать «условную дискриминацию» предприятия. В то же время вести речь о реальной дискриминации, по-видимому, все же нельзя, поскольку институты развития и создаются именно для того, чтобы придать особый статус определенным территориям, на которые привлекаются резиденты, заявившие о планах осуществлять инновационную деятельность.⁹ В частности, президент РФ В. В. Путин рассматривал создание ТОР на Дальнем Востоке как институт развития, который способен привлечь туда и высокотехнологичные производства [Сибирь станет..., 2014].

По нашему мнению, результаты подобного экспериментального расчета (сквозь призму реализации конкретного инновационного проекта ГЧП) более отчетливо продемонстрируют положительные или отрицательные стороны влияния конкретной адресной поддержки в рамках отдельных институтов развития в дополнение к тем условиям прямой государственной поддержки (субсидии), которые фактически были оказаны предприятию ранее. Кроме того, они позволят определить, как изменятся мотивация и заинтересованность участников работать в рамках ГЧП при реализации инновационного проекта в усло-

⁹ Такой экспериментальный расчет может быть полезен для обоснования возможного предоставления аналогичных преференций на федеральном уровне инновационным предприятиям-лидерам и в других субъектах РФ, если проект ГЧП соответствует приоритетам национальной инновационной политики, поскольку статус территорий опережающего развития могут получить и некоторые другие регионы в течение трех лет.

виях действия отдельных институтов развития, законодательно введенных для отдельных территорий.

В данной работе рассматривается высокотехнологическое предприятие, реализующее крупный инновационный проект. Акцент сделан на взаимосвязи денежных потоков отдельных участников, задействованных в проекте ГЧП (государство, предприятие, венчурный инвестор и банк). В модельном эксперименте финансовый результат ГЧП условно отождествляется с чистым доходом, генерируемым инновационным проектом, которому оказываются не только нейтральные виды налоговой поддержки, но и эксклюзивные виды налоговой поддержки в зависимости от месторасположения предприятия-инноватора, входящего в состав ГЧП. В рамках авторской финансово-институциональной модели проектного анализа рассматриваются сценарии формирования денежных потоков всех участников проекта ГЧП в имитационном режиме с использованием фактических данных по предприятию. Отметим, что денежные потоки для государства обусловлены его участием в проекте в трех аспектах.

Во-первых, государство учитывается в качестве институционального участника, получающего налоговые поступления в бюджеты различных уровней. Во-вторых, оно является прямым инвестором при выделении бюджетных средств для финансирования инвестиций по проекту. В-третьих, государство одновременно выступает косвенным участником, предоставляя определенные налоговые льготы и условия списания затрат на НИОКР. Учитывая ограничения на объем статьи, сошлемся на формальную запись модели в наших публикациях¹⁰, где обсуждались сценарии реализации проекта ГЧП при изменении экономической и финансовой ситуации. Кроме того, ранее нами уже приводились

¹⁰ См.: [Горбачева и др., 2013; Горбачева и др., 2014, с. 301–302].

результаты модельного эксперимента, показывающего влияние на NPV проекта сочетания мер господдержки.¹¹

Наша финансово-институциональная модель учитывает денежные потоки различных участников. В ней рассчитываются изменения финансового результата, генерируемого инновационным проектом (NPV проекта и NPV отдельных участников), что позволяет выявить дифференциацию затрат и выгод каждого участника при фактическом или экспериментальном сценарии налогообложения. Кроме того, инструментарий проектного анализа позволяет рассчитать показатели взаимовыгодности для государства и бизнеса при реализации инновационного проекта ГЧП на разных территориях, характеризующих мотивацию его дальнейшего развития и устойчивости, что будет подробно описано в п. 3.3.

В модельном эксперименте за константу принимается величина финансовой господдержки конкретного инновационного проекта ГЧП, а затем рассматриваются различные версии изменения адресной косвенной поддержки, законодательно принятые для территорий инновационного развития. Если бы адресно-территориальные налоговые стимулы оказались доступными для всех предприятий страны, то можно было бы рассчитать выигрыш для конкретного предприятия (изменение коммерческой и общественной эффективности проекта, налоговой нагрузки и др.) по сравнению с фактической ситуацией налогообложения.

¹¹ Оценивалась полезность отдельных льгот налогового характера в сочетании со специальными мерами ускоренной амортизации, предоставляемыми для ГП инновационной деятельности в том виде, как они предписаны нормами российского законодательства. Был описан эксперимент, проверяющий предположение, что принятие зарубежной практики списания оборотных активов положительно повлияет на оценку изменения эффективности реализации проекта, т.е. позволит использовать «эффект налогового зонтика» [Унтура, Новикова, Горбачева, 2014].

В следующем подразделе изложены методические и прикладные результаты проведенного исследования.

3.1. Пошаговая оценка финансовых результатов прямой и косвенной поддержки инновационного проекта в сценарии фактического налогообложения

Эмпирическое исследование финансовых эффектов косвенной господдержки основано на проектном анализе хозяйственной деятельности крупного высокотехнологического предприятия — «НЭВЗ-Керамикс» г. Новосибирска — с численностью работников более 300 человек, которое производит инновационную продукцию (нанокерамику) с 2010 г. Совокупность инвестиционного и операционного денежных потоков предприятия, связанных с производством нанокерамики, условно можно представить в виде отдельного инновационного проекта, который реализуется в форме ГЧП. Разнообразие участников данного проекта определяет устойчивость ГЧП, среди них:

- государственные структуры — Минобрнауки РФ, Правительство НСО;
- частный бизнес — высокотехнологичное предприятие «НЭВЗ-Керамикс» как главный инициатор и исполнитель проекта;
- коммерческие банки;
- госкорпорации — «Роснано», которую в 2015 г. заменила ГК «Ростехнология»;
- научные и образовательные учреждения — НГТУ, Томский политехнический университет, научные институты СО РАН.

На примере фактического сценария покажем, каково влияние на финансовые результаты проекта ГЧП различных мер государственной поддержки, реально действующих на данный момент времени. Участие государства как стратегического партнера в проекте осуществляется в форме прямой и косвенной господдержки:

- прямое бюджетное финансирование в рамках образовательного гранта Минобрнауки РФ и внутренней целевой программы Правительства НСО (прямая господдержка);
- снижение платежей до 2017 г. по налогу на имущество в бюджет Новосибирской области (косвенная господдержка);
- применение повышенного коэффициента списания затрат на НИОКР для приоритетных областей исследования ($k = 1,5$)¹² (косвенная господдержка).

Структура источников финансирования показывает как долю вложений частных участников проекта, так и относительные объемы прямой господдержки, которая в совокупности составляет 8% от общего объема финансовых средств по проекту (рис. 1). Рассматриваемый проект демонстрирует типичные для инновационных производств составляющие инвестиций (рис. 2), НИОКР (8% от общих инвестиций), образовательные программы (8%), покупка патентов и лицензий (5%).

Если размер прямой господдержки явно проявляется в структуре финансирования проекта, то для выявления объемов косвенной господдержки используется методика проектного анализа. Изменение операционного денежного потока позволяет «уловить» размеры косвенной господдержки, которые во многом зависят от особенностей самого проекта, и, как правило, такие расчеты носят конкретный характер. Методика проектного анализа предоставляет возможность дать интегральную оценку финансовых эффектов прямой и косвенной господдержки при реализации проекта, демонстрируя вклад в NPV на каждом этапе, связанном с добавлением очередного инструмента поддержки.

Количественная оценка финансовых эффектов определялась на основе модифицированной модели дисконтированных де-

¹² Постановление Правительства РФ от 24 декабря 2008 г. № 988 (ред. от 6 февраля 2012 г.).

Рис. 1. Структура источников финансирования инвестиций по инновационному проекту производства нанокерамики, 2010–2018 гг.

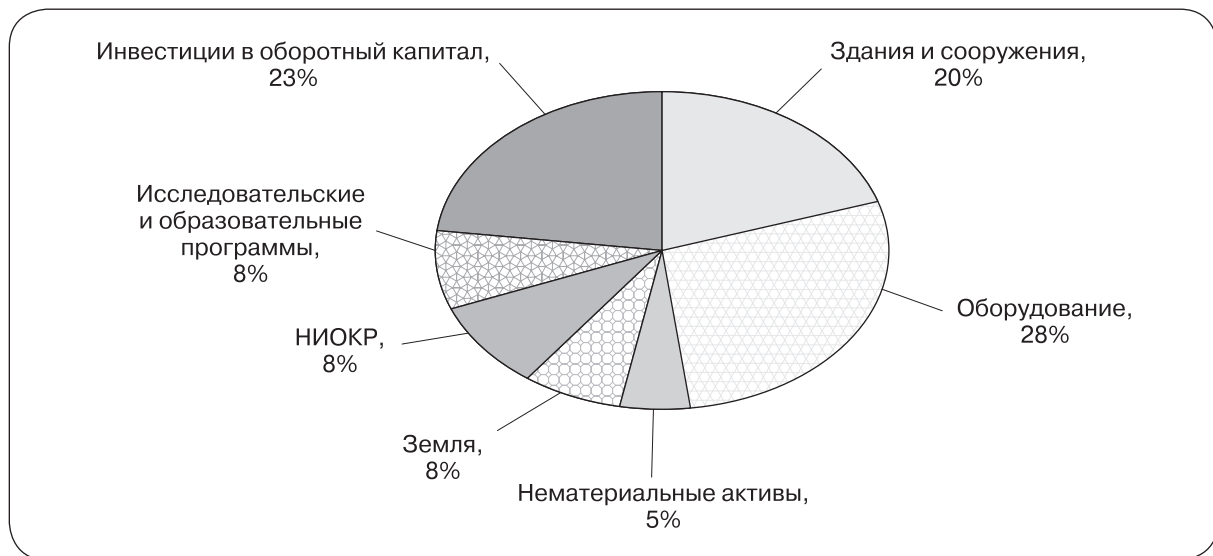

Рис. 2. Структура инвестиций по инновационному проекту производства нанокерамики, 2010–2018 гг.

нежных потоков (DCF) с учетом корректировки расчета ставки дисконтирования, предложенной в [Ибрагимов, 2007].¹³ Мо-

¹³ В качестве показателя финансового эффекта использовался чистый дисконтированный доход (NPV), расчет которого производился в текущих ценах при двух вариантах номинальной ставки дисконтирования ($r = 0\%$ и $r = 10\%$) для временного периода с 2010 по 2017 г. (2018 г.

дель строилась на современных принципах разделения денежного потока для инвестиционной, операционной и финансовой деятельности и расчете традиционных показателей эффективности (NPV, IRR, VI и т. д.) [Проектная экономика..., 2013].

рассматривается как условный ликвидационный период).

В качестве условного «нулевого» шага был смоделирован сценарий реализации проекта без каких-либо мер господдержки. Затем путем пошагового добавления в имитационную модель каждого последующего вида господдержки (первый шаг — прямая господдержка, второй шаг — косвенная поддержка по налогу на имущество, третий шаг — косвенная господдержка по ускоренному списанию НИОКР) был получен фактический (базовый) сценарий со всем комплексом реально оказанных мер господдержки предприятию в настоящий момент.

Отметим, что изменение порядка добавления видов господдержки приводит к незначительному изменению NPV . Если прямое бюджетное финансирование не оказывает влияния на инвестиционный и операционный денежные потоки по проекту, а только перераспределяет финансовые потоки между государством и предприятием, то косвенная господдержка изменяет чистую прибыль (т. е. после налогообложения) и, следовательно, сальдо операционного денежного потока, поэтому разновременность появления эффектов от различных видов косвенной господдержки сказывается при дисконтировании. В фактическом сценарии принят порядок добавления видов господдержки, соответствующий хронологии появления информации о предоставлении рассматриваемого вида господдержки для предприятия.

Как видно из табл. 2, предоставление прямого бюджетного финансирования инвестиций приводит к перераспределению чистых выгод в пользу предприятия на сумму 195 млн руб. (столбец 5), в то время как косвенная господдержка изменяет денежные потоки от операционной деятельности и в конечном итоге обуславливает не только перераспределение чистых выгод между государством и предприятием, но и абсолютное изменение NPV проекта — на 78 млн руб. в случае предоставления льготы по налогу на имущество (столбец 9)

и на 0,88 млн руб. при ускоренном списании НИОКР (столбец 13). В целом за счет господдержки NPV для предприятия увеличивается в 1,5 раза (с 484 до 758 млн руб.). Данный прирост обусловлен на 71% ($195\,000 / (758\,568 - 484\,209)$) прямой господдержкой, на 28,7% — льготой по налогу на имущество и на 0,03% — применением метода ускоренного списания инвестиций в НИОКР.

Следует отметить, что чем выше ставка дисконтирования, тем выше значимость прямой господдержки по сравнению с косвенной (так, при $r = 10\%$ прирост NPV предприятия обеспечен на 74% за счет прямой господдержки и на 26% за счет косвенной). Следовательно, для предприятия альтернативная стоимость одного рубля, предоставленного в виде прямого бюджетного финансирования, становится выше, чем один рубль, сэкономленный на налоговых платежах. Поэтому ожидать высокую результативность косвенной господдержки можно в стабильных макроэкономических условиях с низкой альтернативной стоимостью капитала.

3.2. Оценка влияния косвенной ГП на финансовые результаты ГЧП: модельный эксперимент

с использованием сценариев налоговых преференций институтов развития

Суть модельного эксперимента заключается в сравнительном анализе финансовых результатов фактической господдержки инновационного проекта, реализуемого в форме ГЧП (на территории Новосибирской области), и гипотетических вариантов косвенной господдержки, которая предоставляется тремя институтами развития: ОЭЗ, «Сколково», ТОР. Рассматриваются сценарии действия налоговых преференций в рамках вышеназванных институтов развития в ситуации гипотетического дислоцирования «НЭВЗ-Керамикс» на указанных территориях. Экономический профиль предприятия «НЭВЗ-Керамикс» во многом

Таблица 2
Финансовые результаты от оказания мер прямой и косвенной господдержки высокотехнологичному предпринятию «НЭВЗ-Керамикс» (тыс. руб.)

Показатель	Шаг расчета															
	Шаг 0 (без гос-поддержки)		Шаг 1 (с прямым бюджетным финансированием)		Δ1*		Шаг 2 (с льготой по налогу на имущество)		Δ2		Шаг 3 (с ускоренным списанием затрат на НИОКР)		Δ3		Шаг 4** (с интегральной господержкой, фактический сценарий)	
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Номер столбца	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
r, %	0	10	0	10	0	10	0	10	0	10	0	10	0	10	0	10
NPV проекта	1609282	219717	1609282	219717	0	0	1687762	267765	78480	48048	1688641	268294	879	530	1688641	268294
NPV для государства	1980519	1035234	1785519	896333	-195000	-138901	1707039	847168	-78480	-49165	1706160	846626	-879	-542	1706160	846626
NPV для венчурного инвестора	864323	118670	864323	118670	0	0	864323	118670	0	0	864323	118670	0	0	864323	118670
NPV для коммерческого банка	105750	25836	105750	25836	0	0	105750	25836	0	0	105750	25836	0	0	105750	25836
NPV предприятия	484209	-31684	679209	107217	195000	138901	757689	155264	78480	48048	758568	155794	879	530	758568	155794

Примечания:

* — изменение показателя на определенном шаге расчета. Например, в столбцах 5 и 6 показаны изменения показателей (Δ1) при соответствующей ставке дисконтирования ($r = 0\%$ или $r = 10\%$) в связи с предоставлением прямой господдержки на первом шаге расчета. Значения в столбце 5 вычисляются путем вычитания соответствующего по строке значения в столбце 1 из столбца 3. Столбец 6 = столбец 4 – столбец 2;

** — значения показателей на результирующем четвертом шаге расчета вычисляются путем суммирования значения показателя без господдержки и соответствующих его изменений на каждом последующем шаге расчета. Например, значения столбца 15 вычисляются путем суммирования соответствующего по строке значения показателя в столбце 1, столбце 5, столбце 9, столбце 13. Соответственно, столбец 16 = столбец 2 + столбец 6 + столбец 10 + столбец 14.

соответствует ключевым характеристикам ГЧП, на которые распространяется юрисдикция данных институтов развития. Значимая инновационная компонента проекта определяет возможность его нахождения среди резидентов инновационного центра «Сколково». Значительные инвестиции в НИОКР и активная технико-внедренческая деятельность отождествляют анализируемое предприятие с аналогичными предприятиями, расположенными в ОЭЗ. Высокотехнологическая продукция предприятия и соседство Новосибирской области, где в настоящее время расположено предприятие, с другими сибирскими регионами, которые вошли в зону ТОР (например, Красноярский край), дают возможность предположить размещение рассматриваемого проекта в ТОР.

Для проверки предположения о положительном влиянии на финансовые результаты проекта ГЧП и отдельных его участников «переноса» адресной налоговой поддержки при проведении экспериментальных расчетов используются три гипотетических сценария со следующими видами косвенной господдержки.

1. Сценарий ОЭЗ:

- налог на прибыль 13,5%;
- общая сумма страховых взносов 14,0% до 2017 г.;
- повышенный коэффициент списания затрат на НИОКР, равный 2;
- освобождение от налога на имущество;
- освобождение от налога на землю.

2. Сценарий инновационного центра «Сколково»:

- налог на прибыль 0% (до 2016 г., затем 20%, так как ежегодный объем выручки превышает 1 млрд руб.);
- освобождение от НДС (до 2015 г., затем 18%, так как совокупный размер годовой прибыли превышает 300 млн руб.);
- освобождение от налога на имущество.

3. Сценарий ТОР:

- налог на прибыль 5%;
- общая сумма страховых взносов 7,6%.

Во-первых, определим для каждого сценария уровень налоговой нагрузки (УНН) предприятия, который является традиционным показателем финансового менеджмента и демонстрирует уровень изъятия финансовых ресурсов предприятия в пользу государства в зависимости от введения различных видов косвенной господдержки. Как видно из рис. 3, в настоящее время предприятие функционирует при налоговой нагрузке 18,2% выручки (фактический сценарий), а с учетом обязательных выплат в фонды социального страхования (ПФ, ФСС, ФОМС) УНН повышается до 25,3% выручки. Размещение предприятия в ТОР обеспечивает не только наименьший УНН (13,7%), но и наименьшую «социальную обремененность» — наименьший разрыв между УНН и УНН с учетом обязательных социальных отчислений (рис. 3).

Во-вторых, проанализируем для каждого сценария заинтересованность участников ГЧП в реализации проекта, рассматриваемую как изменение для них *NPV*. На рис. 4. приведены финансовые результаты участников ГЧП в зависимости от трех сценариев косвенной поддержки территорий с федеральными преференциями (см. табл. 1).

Как показано на рис. 4, государство, несмотря на разнообразные налоговые преференции, является главным бенефициаром при реализации проекта. Его чистые выгоды не только перекрывают затраты, связанные с прямым бюджетным финансированием инвестиций и упущенными недополученными налогами в бюджет, но и значительно превышают чистые выгоды предприятия. Из всех сценариев наибольшее сближение *NPV* государства и предприятия достигается при налогообложении в ТОР, поэтому с позиции ГЧП данное состояние обеспечивает лучший баланс финансовых эффектов для государства и высокотехнологического предприятия. Чистые выгоды венчурного инвестора и банка, которые являются «внешними» по отноше-

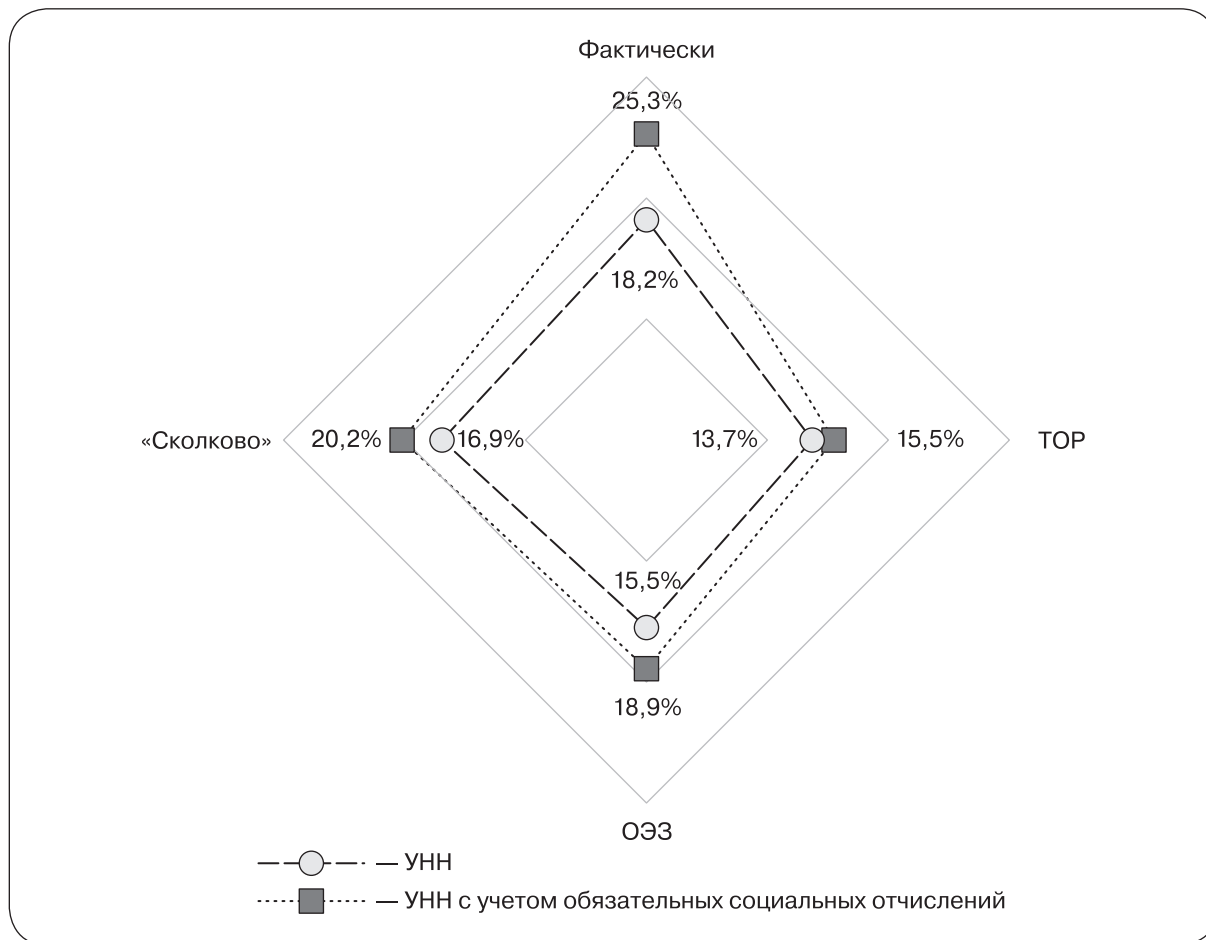

Рис. 3. Уровень налоговой нагрузки для предприятия по разным сценариям, %

нию к предприятию частными участниками проекта, не изменяются в зависимости от места размещения предприятия на «особых» территориях. Таким образом, косвенная господдержка влияет прежде всего на NPV государства и предприятия.

Отметим, что результаты расчетов корреспондируют с представленными ранее выводами ряда исследований о том, что различные виды косвенной поддержки приводят к повышению показателей инновационной деятельности в стоимостном и натуральном выражении; кроме того, снижается объем налоговой нагрузки на предприятие, что создает дополнительные стимулы для расширения масштабов инновационной деятельности.

Далее рассмотрим результаты модельных расчетов с позиций влияния ГП на повышение эффективности проекта в целом и для каждого участника ГЧП. Кроме того, выявим мотивацию и заинтересованность участников использовать ГЧП при реализации инновационного проекта на территориях налоговых преференций федерального значения.

3.3. Влияние адресной поддержки на эффективность и паритетность участия в проекте ГЧП

Итак, выше приведены некоторые выводы о положительном влиянии ГП на отдельные финансовые показатели проекта, который реализуется на принципах ГЧП при

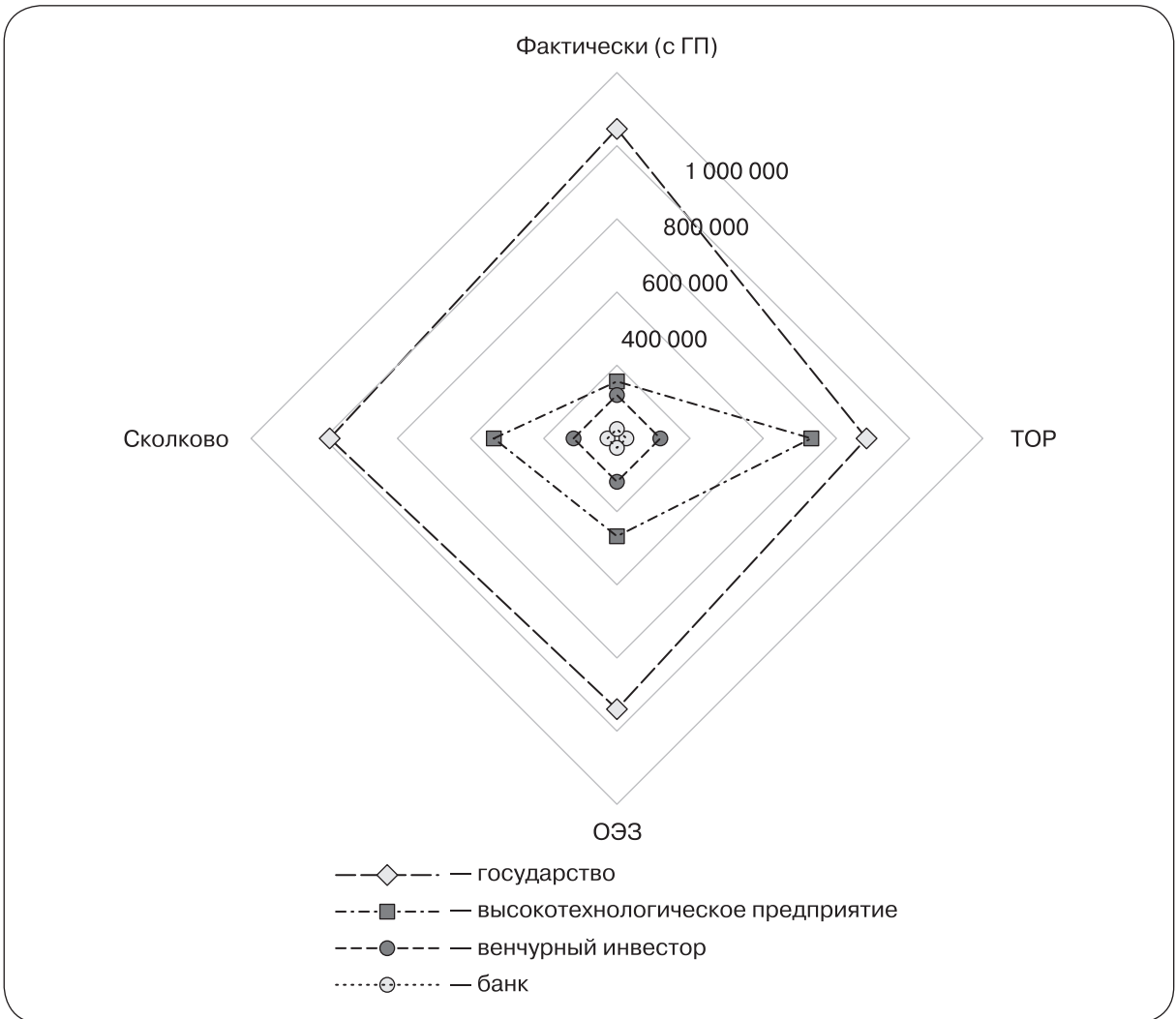

Рис. 4. NPV ($r = 0\%$) для различных участников по разным сценариям, тыс. руб.

разных сценариях размещения предприятия на территориях с налоговыми преференциями федерального значения. Далее в порядке предварительного обсуждения для большего понимания финансового менеджмента в рамках проектного подхода апробируем несколько коэффициентов, характеризующих отношения в государственно-частном партнерстве при реализации проекта. При этом с учетом дискусионности ряда вводимых нами понятий авторы не претендуют на завершенность эмпирического исследования. Предлагаемые

коэффициенты были рассчитаны применительно к описанному инновационному проекту ГЧП. Идея заключается в том, что по аналогии с показателем рентабельности для финансовой оценки эффективности деятельности предприятия можно рассмотреть коэффициент, свидетельствующий об изменении эффективности реализации проекта в разных условиях государственной налоговой поддержки, сопоставляя NPV и понесенные затраты.

Коэффициент K1 — «квазирентабельность». По аналогии с рентабельностью

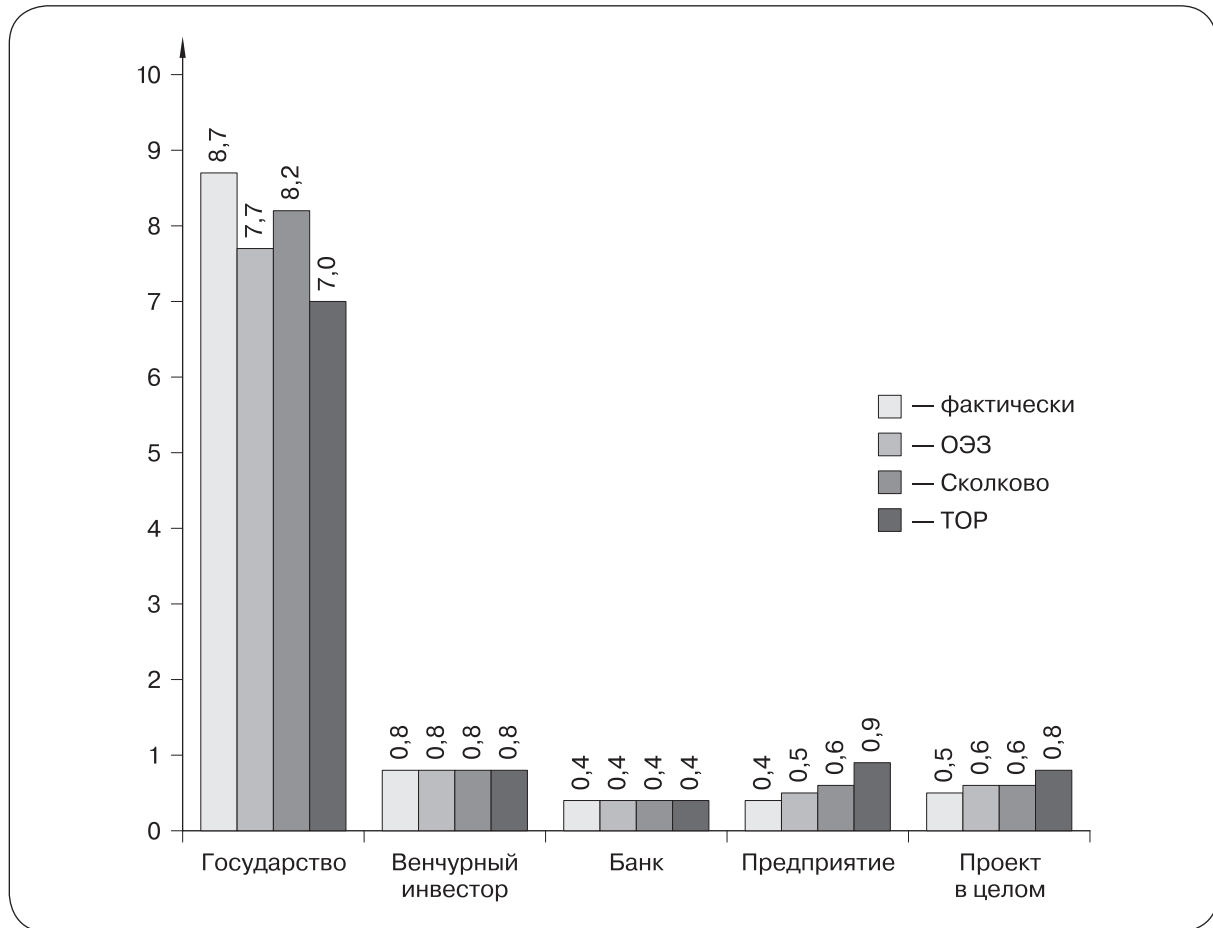

Рис. 5. Квазирепрезентабельность участников проекта при разных сценариях адресной поддержки (норма дисконтирования $r = 0\%$)

этот коэффициент рассматривается как некая характеристика эффективности участия в проекте, т.е. *получение 1 руб. NPV участника на 1 руб. понесенных финансовых затрат участника*. Этот коэффициент эффективности процесса формирования NPV можно рассчитать для каждого из участников проекта ГЧП как отношение NPV участника (чистая выгода) к понесенным участником затратам, а также в целом для проекта как отношение NPV по проекту к совокупным затратам всех участников проекта. Из рис. 5 видно, что показатель «квазирепрезентабельность» NPV для государства при любом сценарии адресных преференций остается существенно выше,

чем для любого участника, поскольку понесенные им затраты в этом проекте невысоки — 195 тыс. руб., а налоговые перечисления в бюджеты всех уровней составляют 1,6 млн руб., т.е. на 1 руб. затрат достигается эффект примерно в 7–9 руб.

Для всех остальных участников даже при положительной и достаточно высокой величине NPV отдача на вложенные средства не столь высока и дажекратно ниже, чем для государства (рис. 5). При предоставлении предприятию адресных налоговых преференций, аналогичных существующим у территорий инновационного развития (ОЭЗ, «Сколково», ТОР), коэффициент K1 заметно возрастает по сравнению с фактической

Таблица 3

Соотношение локальной эффективности участника ГЧП и эффективности проекта в целом (косвенная поддержка, сценарий ТОР)

Участник проекта	Коэффициент $K2$ при норме дисконтирования			
	$r = 0\%$	$r = 10\%$	$r = 12\%$	$r = 15\%$
Государство	0,55	1,01	2,94	9,33
Венчурный инвестор	0,35	0,18	0,26	-0,22
Банк	0,04	0,04	0,00	-0,01
Предприятие	0,61	0,79	0,74	1,23

ситуацией налогообложения. Наиболее высока эффективность таких предпочтений для самого предприятия именно в рамках сценария размещения в ТОР. Она повышается с 40 коп. до 90 коп., т. е. примерно в 2 раза по сравнению с аналогичным показателем для фактического сценария. При этом заметно повышение и квазиэнтальности NPV для проекта в целом при любом из гипотетических сценариев «переноса» условий господдержки в рамках институтов развития.

Модельный эксперимент показывает, что при дополнительном предоставлении одному и тому же предприятию особых налоговых предпочтений ТОР эффективность NPV для государства (по сравнению с фактической ситуацией) несколько уменьшается — с 8,7 до 7,0 руб. Однако при этом заметно возрастает квазиэнтальность предприятия и всего проекта в целом. Тем самым, на наш взгляд, государство стимулирует предприятие реализовывать проект, поскольку становится более реалистичным окупить затраты за более короткий период. Хотя для венчурного инвестора и банка изменение схемы налогообложения не повлияло на повышение названного показателя. Отметим, что налоговые предпочтения, оказываемые предприятиям, дислоцированным в ТОР, определенные ФЗ № 473, оказываются самыми выгодными из всех трех рассматриваемых сценариев адресной поддержки.

Коэффициент $K2$ — «склонность к участию в проекте». Интерес к участию в проекте, особенно с вложением финансовых средств, по-видимому, будет достаточно высок, если соотношение чистых выгод конкретного участника проекта и NPV проекта в целом выглядит привлекательным (и для участника, и для проекта ГЧП). В реальной практике доходность участника проекта не должна быть существенно ниже доходности по проекту в целом. С учетом сказанного коэффициент $K2$ предлагается рассчитывать как соотношение NPV участника (его локальная, коммерческая эффективность) к NPV проекта (интегральная коммерческая эффективность проекта). Варианты $K2$ для рассматриваемого проекта в сценарии поддержки в рамках ТОР приведены в табл. 3.

Критерий «предельной выгоды» участия в проекте — предмет отдельного исследования. Однако по результатам расчетов (табл. 3) можно допустить, что если бы предприятие — участник ГЧП размещалось в ТОР, то интересы государства и самого предприятия примерно совпадали при норме дисконтирования $r = 0\%$ (согласно расчетам $K2$ округленно 0,6). Достаточно существенным является интерес и у венчурного инвестора ($K2 = 0,4$). Однако при повышении ставки дисконтирования до $r = 15\%$ для отдельных участников, в частности венчурного инвестора, участие в партнерстве перестает быть выгодным.

На основе коэффициента $K2$ можно рассчитать и еще более наглядный коэффициент $K3$. Он характеризует сравнительную взаимовыгодность совместного участия в проекте, который может быть рассчитан для каждой пары его участников.

Коэффициент $K3$ — «квазипаритетность». Он рассчитывается как соотношение показателей NPV каждой пары участников проекта. По нашему мнению, чем ближе значение этого коэффициента к 1, тем равноправнее ситуация для обоих участников в получении положительного NPV по факту самого участия в ГЧП при достижении положительного интегрального NPV проекта в целом. В то же время паритетность иногда трактуют как распределение доходов между участниками пропорционально вложенным средствам. Изменение коэффициента паритетности можно изобразить графически (рис. 6), при этом для банка данный показатель не приводится, так как из предыдущих коэффициентов видно, что у банка присутствует незначительный интерес в реализации ГЧП ($K2 = 0,04$).

На рис. 6 показано, что при реализации ГЧП в фактическом сценарии налогообложения наиболее высокая вероятность достижения примерно равных величин NPV наблюдается у предприятия и венчурного инвестора. Примерно схожее соотношение доходности участников наблюдается для сценариев «Сколково» и ОЭЗ. Наилучший коэффициент $K3$ для государства и предприятия оказался в сценарии преференций ТОР, т. е. он приближается к единице. Это означает, что для реализации проекта в интересах обоих участников предпочтительнее всего именно такая схема поддержки.

Рассмотренные на примере конкретного проекта коэффициенты $K1$, $K2$ и $K3$ подтверждают предположение о положительном воздействии адресной поддержки при реализации инновационного проекта ГЧП и улучшении эффективности деятельности отдельных участников, если госу-

дарство соглашается на некоторое относительное уменьшение бюджетной эффективности. Таким образом, инновационные предприятия, реально расположенные на территориях с налоговыми преференциями институтов развития, смогут ощутить ее весомый эффект, в то время как предприятия, занимающиеся аналогичными проектами ГЧП в других регионах страны, оказываются в ситуации упущенной выгоды или условной «дискриминации», несмотря на прямую государственную поддержку. С одной стороны, это демонстрирует действенность ГП в стимулировании инноваций на выделенных территориях, а с другой — может тормозить инновационное развитие предприятий в других регионах РФ.

4. Обсуждение результатов

Результаты эмпирического анализа влияния «переноса» особых налоговых льгот, существующих для территорий инновационного развития, на крупные инновационные проекты ГЧП в РФ были получены путем авторской интерпретации проектного подхода. Сама методика, на наш взгляд, достаточно универсальна и позволяет рассчитывать последствия любого выбранного «набора мер государственной поддержки» для анализируемого инновационного проекта ГЧП.

В качестве основных выводов проведенного исследования следует выделить следующие.

1. Оценки результативности государственной поддержки инноваций, полученные в эмпирических исследованиях в рамках различных подходов и применяемых методов, показывают, что ГП в целом положительно влияет на улучшение отдельных объемных финансовых показателей предприятий и проекта ГЧП.
2. Налоговые преференции существенно понижают налоговую нагрузку предприятия и создают стимулы для реализации

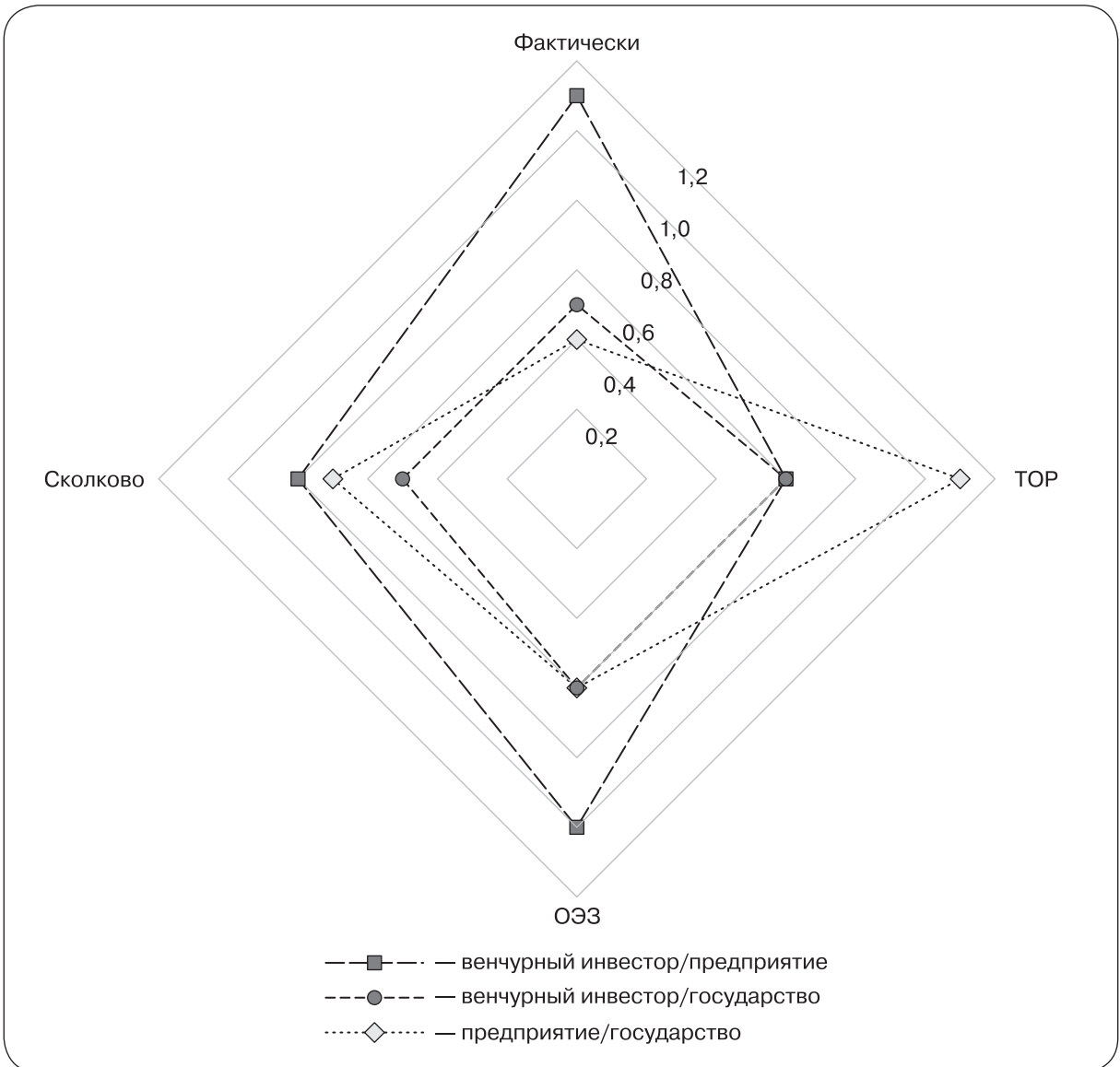

Рис. 6. Коэффициент K_3 для отдельных пар участников ГЧП при различных сценариях налогообложения

проекта с длительным сроком окупаемости.

3. Оценка влияния ГП на конкретном высокотехнологичном предприятии «НЭВЗ-Керамикс» в рамках проектного анализа показала, что в целом за счет господдержки NPV увеличивается в 1,5 раза. Основной прирост чистой выгоды обусловлен примерно на 71% прямой гос-

поддержкой, на 28,7% — косвенной налоговой поддержкой и на 0,3% — косвенной неналоговой поддержкой (ускоренное списание амортизации расходов на НИОКР). При этом чем выше ставка дисконтирования, тем больше значимость прямой господдержки по сравнению с косвенной. Прямая господдержка уменьшает риск предприятия в начале

реализации проекта. Государственная поддержка проекта ГЧП создает предпосылки устойчивости выполнения проекта в первоначальном составе участников, повышает взаимный интерес к реализации проекта у предприятия и государства.

4. Результатами модельного эксперимента подтверждено предположение, что адресные налоговые льготы будут стимулировать приход инновационных проектов ГЧП на территории инновационного развития. При их существующих характеристиках степень предпочтительности для выбора места размещения проекта (по сравнению с фактическим месторасположением предприятия) возрастает в следующей последовательности: особые экономические зоны, «Сколково», зоны ТОР на Дальнем Востоке. Причем предпочтительность заметно выше для ТОР. Положительным моментом адресной схемы налогообложения является то, что преференции повышают как общую эффективность реализации проекта ГЧП в целом, так и его выгоду для отдельных участников. Вместе с тем возникают и отрицательные моменты с точки зрения общего стимулирования инновационной деятельности предприятий, поскольку результаты сравнения фактического и гипотетического сценариев демонстрируют существенную упущенную выгоду от применения такой «избирательно-адресной» системы налогообложения для предприятий, участвующих в ГЧП на других территориях РФ.

Зафиксированное относительно большее влияние на эффективность проекта прямой господдержки по сравнению с косвенной детерминируется прежде всего периодом прогнозирования денежных потоков (все-го 7 лет с условным ликвидационным периодом в 2018 г.), объемом бюджетных ассигнований (195 млн. руб.) и альтернативной стоимостью капитала (номинальная

ставка дисконтирования, равная 10%). Долгосрочный характер жизненного цикла высокотехнологичных производств повышает значимость косвенной господдержки для предприятий в современных условиях ограниченности бюджетных средств в России. Однако извлечение всех выгод косвенной господдержки возможно в стабильных макроэкономических условиях, с низкой альтернативной стоимостью капитала, которые не девальвируют экономию на налоговых платежах.

Вместе с тем полученные результаты необходимо трактовать с определенной осторожностью и проводить верификацию расчетов с учетом информации по группе предприятий определенной специализации.

Апробированная авторами методика позволяет сделать акцент на величине и динамике следующих показателей:

- 1) *NPV* участников для сопоставления экономической эффективности проекта с позиций отдельных партнеров ГЧП;
- 2) коэффициентов «квазицентрабельность» и «квазипаритетность» для характеристики эффективности чистых выгод для участников ГЧП и выявления мотивации к партнерству.

Это, по нашему мнению, позволяет избежать краткосрочного детерминизма при оценке финансовых эффектов конкретных видов господдержки ГЧП в целом и для отдельных его участников. Одновременное повышение эффективности и равноправности в распределении выгод между участниками ГЧП, по-видимому, дает возможность *принимать долгосрочные решения на принципах ответственного инвестирования (PRI)*, которые разработаны ООН [PRI, 2014]. Как представляется, в России необходимо движение в этом направлении: поиск взаимовыгодного партнерства между государством и частным сектором в долгосрочном периоде должен ориентироваться на альтернативную стоимость капитала (норму дисконтирования) и возможность сближения интересов партнеров по проекту.

На примере расчета по реальным данным выявлено, что основную выгоду от ГЧП в заметно больших пропорциях получает государство, а не частный бизнес. Новый закон о ГЧП предусматривает согласование интересов государства и частного бизнеса. В этом случае предлагаемые коэффициенты могут использоваться для поддержки в проектном анализе и разработке инновационной политики.

Дискуссионным моментом остается то, что паритетность отношений участников ГЧП как мотив для привлечения долгосрочных инвестиций пока недостаточно изучена и тем более не соблюдается на практике. Эта проблематика требует дальнейшего изучения.

5. Заключение

На основе проведенного исследования и обсуждения его результатов можно предложить некоторые рекомендации применительно к совершенствованию российской политики стимулирования инноваций на российских предприятиях, в том числе для инновационных проектов ГЧП с прямым финансовым участием государства. На наш взгляд, целесообразно следующее.

Во-первых, требуется развитие методологии проектного анализа для оценки влияния ГП и различных ее видов на финансовые результаты и мотивы поведения инновационных участников. Этому будет способствовать расширение круга эмпирических исследований и введение системы регулярной и независимой оценки результативности механизмов поддержки инноваций, которая может выполняться как аналитическими центрами, так и финансовым менеджментом проектов ГЧП и предприятий. В частности, общий проектный анализ желательно дополнить анализом комплементарности прямой и косвенной поддержки, а также оценками взаимовыгодности участия в проекте ГЧП, если он реализуется совокупностью участников с

разными ведомственными и финансовыми интересами. Критерии поддержки инновационных проектов ГЧП должны ориентироваться на долгосрочные целевые показатели, которые учитывают весь жизненный цикл деятельности предприятия, например *NPV* (а не только прибыль за квартальный или годовой период функционирования проекта). Расчет эффективности *NPV* и паритетности совместного участия разных партнеров даст российскому бизнесу возможность вести диалог с государством в поисках консенсуса (частично шаги к этому уже сделаны в Федеральном законе Российской Федерации от 13 июля 2015 г. № 224-ФЗ).

Во-вторых, необходимо расширение практики экспериментальных видов ГП отдельных проектов ГЧП для пилотной апробации отдельных схем институционального проектирования налогообложения. Модельные эксперименты по видам ГП с последующим их обобщением по разным отраслям экономической деятельности помогут выявить сильные и слабые стороны принимаемых решений о ставках и порядке налогообложения еще до момента вынесения рекомендаций на законодательный уровень и др.

Стимулирование ГЧП через различные виды государственной поддержки должно способствовать достижению долгосрочных целей инновационного развития и формировать взаимовыгодные партнерские отношения между государством и частным сектором. При этом государству при предоставлении косвенной господдержки инновационным предприятиям, осуществляющим проекты ГЧП на территориях действия отдельных институтов развития (ТОР, ОЭЗ, инновационный центр «Сколково»), целесообразно стремиться прежде всего не только к получению высокой бюджетной эффективности, но и к обеспечению для частных инвесторов стабильных выгод в долгосрочном периоде.

Благодарности

Авторы благодарят д. э. н. Т. С. Новикову за совместную работу над методикой финансово-институциональной модели, позволяющей оценить изменения NPV проекта путем алгоритма пошагового добавления каждой очередной меры государственной

поддержки, к. э. н. А. В. Шмагиреву, оказавшему содействие в актуализации информации за 2014–2015 гг. по предприятию — участнику ГЧП. Особую признательность выражаем рецензентам статьи, высказавшим рекомендации по структуризации текста, расширению обзора и информации по исследуемой проблематике.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

- Анимица П. Е. 2012. Особые экономические зоны России: проблемы и особенности налогового регулирования. *Финансы и кредит* (12): 30–37.
- АМР, РВК, ВШЭ. 2011. *Управление исследованиями и разработками в российских компаниях: Национальный доклад*. Ассоциация менеджеров.
- Варнавский В. 2011. Государственно-частное партнерство: некоторые вопросы теории и практики. *Мировая экономика и международные отношения* (9): 41–50.
- Горбачева Н. В., Евсеенко А. В., Заболотский А. А., Новикова Т. С., Унтура Г. А., Шмагирев А. В. 2014. *Нанокompозитная керамика: возможности и перспективы развития в России и Сибири. Современная роль экономики Сибири в народнохозяйственном комплексе России*. Гл. 6. Отв. ред. В. В. Кулешов. РАН, Сиб. отделение. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН; 251–318.
- Горбачева Н. В., Евсеенко А. В., Новикова Т. С., Суслов Д. В., Унтура Г. А., Шмагирев А. В. 2013. Государственно-частное партнерство: оценка паритетности взаимодействия участников инновационных проектов. *Инновации* (5): 45–55.
- Государственно-частное партнерство в научно-инновационной сфере*. 2010. Под ред. А. К. Казанцева, Д. А. Рубвальтера. М.: Инфра-М.
- Государственно-частное партнерство как инструмент поддержки инноваций*. 2012. Под ред. И. А. Соколова. М.: Дело.
- Государственно-частное партнерство в инновационной сфере: мировой опыт и перспективы России*. 2012. Под ред. Р. М. Нижегородцева, С. М. Никитенко, Е. В. Госсен. Кемерово: ООО «Сибирская издательская группа».
- Гохберг Л. М., Китова Г. А., Рудь В. А. 2014. Налоговая поддержка науки и инноваций: спрос и эффекты. *Форсайт* 8 (3): 18–41.
- Заключение Счетной палаты Российской Федерации на проект Федерального закона № 744090-6. 2015. «О внесении изменений в Федеральный закон „О федеральном бюджете на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов“*». <http://audit.gov.ru/upload/iblock/467/467668c3f3c459abc07e0891c2ef76a5.pdf> (дата обращения: 10.04.2015).
- Золотых Н., Курапов Г., Симонов Б. 2003. *Государственно-частное партнерство в инновационной сфере (рамочный отчет к совместному проекту с ОЭСР)*. Москва.
- Ибрагимов Р. Г. 2007. Экономический анализ управленческих решений: согласованность финансовой модели оценки. *Российский журнал менеджмента* 5 (3): 53–84.
- Иванов Д. С., Кузык М. Г., Симачев Ю. В. 2012. Стимулирование инновационной деятельности российских производственных компаний: возможности и ограничения. *Форсайт* 6 (2): 18–42.
- Инвестиции в России*. 2013. М.: Росстат.
- Климова М. В. 2011. *Государство и частный капитал*. М.: Магистр.
- Ленчук Е., Власкин Г. 2008. *Формирование институтов инновационного развития в России*. Сб.: *Государственно-частное партнерство в инновационных системах*. М.: ЛКИ.

- Налоговое стимулирование инновационных процессов.* 2009. Отв. ред. Н. И. Иванова. М.: ИМЭМО РАН.
- Научная и инновационная политика. 2013. *Россия и Мир.* 2011–2012. Под ред. Н. И. Ивановой, В. В. Иванова. М.: Наука.
- Нечаев А. А. 2015. *Кризис — это надолго.* (дата обращения: 24.03.2015).
- Павлов П. 2010. Второй старт особых экономических зон в России. *Мировая экономика и международные отношения* (8): 69–75.
- Пахомова Н. В., Ткаченко Д. С. 2014. Институты поддержки инновационной деятельности в России: логика формирования и современное состояние. *Вестник С.-Петербургского ун-та. Серия Экономика* (2): 87–105.
- Примаков Е. 2015. *Россия. Надежды и тревоги.* М.: Центрполиграф.
- Проектная экономика в условиях инновационного развития. Модели, методы, механизмы.* 2013. Отв. ред. Т. С. Новикова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН.
- Сайфиева С. Н. 2010. Налоговая нагрузка на ключевые секторы российской экономики в 2000–2008 гг. *Финансы* (8): 37–47.
- Сибирь станет главной задачей в XXI веке.* 2013. <http://www.dni.ru/economy/2013/12/12/265803.html> (дата обращения: 07.08.2014).
- Симачев Ю. В., Кузык М. Г., Фейгина В. В. 2014. Государственная поддержка инноваций в России: что можно сказать о воздействии на компании налоговых и финансовых механизмов? *Российский журнал менеджмента* 12 (1): 7–38.
- Судариков А. Л., Грибовский А. В. 2012. Государственно-частные партнерства в сфере науки и инноваций: зарубежный опыт. *Инновации* (7): 47–59.
- Титов В. В., Жигульский Г. В. 2013. Вектор изменения налогообложения на промышленном предприятии. *Регион: экономика и социология* (3): 260–274.
- Унтура Г. А. 2013. Государственная поддержка развития инновационных территорий России. В: *Инновационное развитие России: проблемы и решения.* Под ред. М. А. Эскиндарова, С. Н. Сильвестрова. Гл. 24. Финансовый ун-т при Правительстве РФ. М.: Анкил; 744–769.
- Унтура Г. А. 2014. Трансформация технопарка в инновационный центр. *Вестник С.-Петербургского ун-та. Серия Экономика* (4): 76–102.
- Унтура Г. А., Новикова Т. С., Горбачева Н. В. 2014. Государственная поддержка НИОКР: оценка влияния на финансовые результаты инновационного проекта. *Менеджмент инноваций* (4): 280–293.
- Шахрай С. М., Виленский П. Л., Косов В. В., Лившиц В. Н., Смоляк С. А., Шахназаров А. Г. 2010. *Системная оценка эффективности инвестиционных (инновационных) проектов.* М.: НИИ СП.

REFERENCES IN LATIN ALPHABETH

- Cerulli G., Poti B. 2010. *The Differential Impact of Privately and Publicly Funded R&D on R&D Investment and Innovation: The Italian Case.* Working Paper No. 10, Doctoral School of Economics, Sapieza University of Rome.
- Falk R., Borrmann J., Grieger N., Nepl-Oswald E., Weixlblaumer U. 2009. Tax incentive schemes for R&D. In: *Evaluation of Government Funding in RTDI From a Systems Perspective In Austria.* Austrian Institute for Economic Research: Vienna.
- Garcia A. 2011. *The European Research Framework Programme and Innovation Performance of Companies. An Empirical Impact Assessment Using a CDM Model.* Working Paper No. 2011-07. Institute for Prospective and Technological Studies. Joint Research Centre.
- Hall B., Mairesse J., Mohnen P. 2009. *Measuring the Returns to R&D.* NBER Working Paper No. 15622.
- OECD. 2003. *Tax Incentives for Research and Development Trends and Issues.* <http://www.oecd.org/science/inno/2498389.pdf>

- OECD. 2013a. *Main Features of R&D Tax Incentives Provisions In Selected OECD and Non OECD Countries*. <http://www.oecd.org/sti/rd-tax-incentives-provisions.pdf>
- OECD. 2013b. *Maximising the Benefits of R&D Tax Incentives For Innovation*. <http://www.oecd.org/sti/rd-tax-incentives-for-innovation.pdf>
- OECD. 2014. Chapter “Tax incentives for R&D and innovation”. *OECD Science, Technology and Industry Outlook 2014*. OECD Publishing; 164–173.
- PRI, *The case for investor engagement in public policy*. 2014. http://www.unpri.org/wp-content/uploads/PRI_Case-for-Investor-Engagement.pdf (accessed: 15.04.2015).
- Public-Private Partnership, Government Guarantees, and Fiscal Risk*. 2006. Prepared by a staff team. International Monetary Fund: Washington, D.C.
- Samaniego M. R. 2007. R&D and growth: The missing link? *Macroeconomic Dynamics* 11 (5): 691–714.
- Translation of References in Russian into English**
- Animitsa P. E. 2012. Special economic zones of Russia: problems and peculiarities of tax regulation. *Finansy i kredit* (12): 30–37.
- AMR, RVC, HSE. 2011. *Management of Research and Development In Russian Companies: The National Report*. Managers Association.
- Varnavsky B. 2011. Public-private partnership: some questions of theory and practice. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* (9): 41–50.
- Gorbacheva N. V., Evseenko A. V., Zabolotsky A. A., Novikova T. S., Suslov D. V., Untura G. A., Shmagirev A. V. 2014. *Nanocomposite Ceramics: Possibilities and Prospects of Development In Russia and Siberia. The Modern Role of Economics In the Siberian Economic Complex of Russia*. Ch.6. Ed. by V. V. Kuleshov. RAS, Sib. department. Novosibirsk: IEIE SB RAS; 251–318.
- Gorbacheva N. V., Evseenko A. V., Novikova T. S., Suslov D. V., Untura G. A., Shmagirev A. V. 2013. Public-private partnership: assessment parity interaction of participants of innovative projects. *Innovatsii* (5): 45–55.
- Public-Private Partnership In Science and Innovation*. 2010. Ed. by A. K. Kazantsev, D. A. Rubvalter. M.: Infra-M.
- Public-Private Partnerships As a Tool to Support Innovation*. 2012. Ed. by I. A. Sokolov. M.: Delo.
- Public-Private Partnership In Innovation Sphere: International Experience and Prospects of Russia*. 2012. Ed. by R. M. Nizhegorodtsev, S. M. Nikitenko, E. V. Gossen. Kemerovo: LLC “Siberian Publishing Group”.
- Gokhberg L. M., Kitova G. A., Rud’ V. A. 2014. Tax support for science and innovation and demand effects. *Foresight* 8 (3): 18–41.
- Conclusion of the Accounts Chamber of the Russian Federation on the draft Federal Law № 744090-6. 2015 “On Amendments to the Federal Law On the Federal Budget for 2015 and the planning period of 2016 and 2017”*. <http://audit.gov.ru> (assessed: 04.10.2015).
- Zolotykh N., Kurapov G., Simonov B. 2003. *Public-Private Partnership for Innovation (framework report to the joint project with OECD)*. Moscow.
- Ibragimov R. G. 2007. Economic analysis of administrative decisions: The consistency of financial valuation models. *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta* 5 (3): 53–84.
- Ivanov D. S., Kuzyk M. G., Simachev Yu. V. 2012. Stimulation of innovative activity of Russian manufacturing companies: Opportunities and limitations. *Foresight* 6 (2): 18–42.
- Investments in Russia*. 2013. M.: Rosstat.
- Klimova M. V. 2011. *The State and Private Capital*. M.: Masters.
- Lenchuk E., Vlaskin G. 2008. *Formation of Institutions of Innovation Development in Russia*. Sat.: Public Private Partnership innovatsonnyh systems. M.: LCI.
- Tax incentives for innovation processes*. 2009. Ed. by N. I. Ivanova. M.: IMEMO.
- Research and innovation policy. 2013. *Russia and the World*. 2011–2012. Ed. by N. I. Ivanova, V. V. Ivanov. M.: Nauka.
- Nechayev A. A. 2015. *The crisis — It is for a long time*. <http://lenta.ru/articles/2015/03/31/nechayev/> (accessed: 24.03.2015).

- Pavlov P. 2010. The second launch of special economic zones in Russia. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* (8): 69–75.
- Pakhomova N. V., Tkachenko D. S. 2014. Institutions of innovative activity support in Russia: The Logic of Formation and a modern condition. *Vestnik S.-Peterburgskogo un-ta. Seriya Ekonomika* (2): 87–105.
- Primakov E. 2015. *Russia. Hope and Anxiety*. M.: Tsentrpoligraf.
- Project Economy In Terms of Innovative Development. The Models, Methods, Mechanisms*. 2013. Ed. by T. S. Novikov. Novosibirsk: SB RAS IE OPP.
- Sayfiyeva S. N. 2010. The tax burden on the key sectors of the Russian economy in 2000–2008. *Finansy* (8): 37–47.
- Siberia Will be a Major Challenge In the XXI century*. 2013. <http://www.dni.ru/economy/2013/12/12/265803.html> (accessed: 07.08.2014).
- Simachev Yu. V., Kuzyk M. G., Feigina V. V. 2014. State support of innovations in Russia: What about the impact on the company's tax and financial mechanisms? *Rossiiskij zhurnal menedzhmenta* 12 (1): 7–38.
- Sudarikov A. L., Gribovsky A. V. 2012. Public-private partnerships in the field of science and innovation: zarubezhny experience. *Innovatsii* (7): 47–59.
- Titov V. V., Zhigulsky G. V. 2013. Vector taxation changes in the industry. *Region: ekonomika i sotsiologiya* (3): 260–274.
- Untura G. A. 2013. State support of development of innovative areas of Russia. In: *Innovative Development of Russia: Problems and Solutions*. Ed. by M. A. Eskindarov, S. N. Silvestrov. Ch. 24. Financial University under the Government of the Russian Federation. M.: Ankil; 744–769.
- Untura G. A. 2014. Transformatsiya industrial park in the Innovation Center. *Vestnik S.-Peterburgskogo un-ta. Seriya Ekonomika* (4): 76–102.
- Untura G. A., Novikova T. S., Gorbacheva N. V. 2014. State support for research and development: assessment of the impact on the financial results of the innovative project. *Menedzhment innovatsij* (4): 280–293.
- Shakhray S. M., Vilensky P. L., Kosov V. V., Livshits V. N., Smolyak S. A., Shakhnazarov A. G. 2010. *System performance evaluation of investment (innovation) projects*. M.: Research Institute of the joint venture.

Статья поступила в редакцию
18 августа 2015 г.